

Антон Чумаков

**АГУ работает,
заявок нет.**

Антон Владимирович Чумаков

АГУ работает, заявок нет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40489308

ISBN 9785449621924

Аннотация

Сборник рассказов «АГУ работает, заявок нет» — это веселый пазл мемуаров человека, дошедшего в поисках жизненных приключений аж до вождения «длинных красных сараев». На донецком языке. По-бытовому просто и по-фейсбучному вычурно. Для широкого круга читателей (особенно рекомендуется к прочтению тем, кто планирует угнать трамвай).

Содержание

Телефонный трамвай	6
Типамячка	10
Вот так я и полюбил животных	15
Антисмертин	20
Гороскоп	31
Мощь лебца	34
Красный день календаря	40
Японский король	49
Как же здорово, все-таки, жить!	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

АГУ работает, заявок нет

Антон Владимирович Чумаков

© Антон Владимирович Чумаков, 2019

ISBN 978-5-4496-2192-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
«АГУ работает, заявок нет.» — это лучшая запись в бортовом журнале донецкого трамвайного вагона, закончившего трудовой день. Означает: все хорошо, Автоматическое Громкоговорящее Устройство (остановкообъявлятель) в порядке, ремонт не нужен.

А сборник рассказов «АГУ работает, заявок нет.» — это веселый пазл мемуаров человека, дошедшего в поисках жизненных приключений аж до вождения «длинных красных сараев».

На донецком языке. По-бытовому просто и по-фейсбучному вычурно. Для широкого круга читателей (особенно рекомендуется к прочтению тем, кто планирует угнать трам-

вай).

Посвящается трамвайным депо №3 и №4 г. Донецка.

Телефонный трамвай

Давным-давно, когда мне было лет пять, мы с дедом играли в увлекательнейшую игру — «трамвай по телефону».

Я был водителем трамвая, а дед — несчастным пассажиром. Несчастливым, потому что водитель оказался садистом (как и положено многим водителям трамваев уже заканчивающихся советских времен). Дождался бегущего со всех ног пассажира и... закрывал двери перед самым его носом, ехидно улыбаясь в зеркало. Зажимал дверями пассажирские руки-ноги-сумки. Орал через динамики чуть ли не матом. Нарочно вез «как дрова». Резко трогался и резко останавливался. Не притормаживал перед поворотами. Ну, и в таком духе.

Особенно доставалось, естественно, деду. А дед все это терпел. И подыгрывал. Подробности графика поездок я уже, конечно, не помню, но родители говорили, что мы «катались» на протяжении довольно долгого времени — лет полутора, не меньше. При каждом созвоне, а это — дважды-трижды в неделю. Часами. Видимо, ему тоже нравилось. Наверно, он меня очень любил.

Звонок.

– Привет, водитель!

– Привет, бабушка!

– Ну, что? Поехали?

– Да, да, да! Поехали! Поехали!

– Ну... Я, вот, бегу к остановке... О!.. Трамвай, как раз, стоит... Может, успею... Эх, сумка тяжелая...

– Тааак... Пассажиры! Поживее! Поживее на посадке! Не толпимся в дверях, как стадо баранов! Проходим, проходим по салону! Все! Осторожно, двери...

– Ой!.. Потеснитесь, пожалуйста... Хоть на полчеловечка...

– Так! Старый хрыч на задней площадке! Да, да, ты, с сумкой! Я же сказал, двери закрываются! Куда прешь?!

Под давлением моего «авторитетного базара» свисающий наружу дед вынужден сдаться, и пытается спуститься обратно на тротуар. Но полностью этого сделать не успевает, — едва его правый ботинок касается земли, двери действительно закрываются, и левый оказывается намертво ими зажат.

— Хватаемся за поручни, вагон отправлен! Компостируем талоны! Не зайцуюем! «Планетарий» следующая. — говорю я и начинаю движение — Жжж...

Дед скачет за трамваем.

— Дедушка? Скажи, как ты там скачешь?

— Ой, скачу... Скачу... На одной ноге... Сумка тяжелая...

Ой, чуть не упал... Стучу кулаком в дверь... Водитель, остановите! — кричу... Но он не слышит...

А что, у меня же график, или где?

Маму эти поездки всегда умиляли. Она и сейчас это подтверждает, и я сам помню ее лицо, улыбающееся из кухни.

А вот папа поездок не одобрял. Нет, он их не запрещал, и даже иногда смеялся: «Что, деда опять повезло?». Но я много раз слышал, как он шептал маме: «Слушай, кого же мы растим? Садиста какого-то. Вот мы сейчас улыбаемся, а вырастет...». Или как он просил самого деда на праздничных посиделках: «Мне кажется, этот ваш с ним «трамвай» нужно плавненько так свести на нет. Устаревший вид транспорта, как бы...»

А потом наша семья (мама, папа и я) переехала в другой город. Да еще и в другой республике СССР. Соответственно, телефонно-трамвайный проезд сильно подорожал (не было ведь, ни мобильной связи, ни вайбера, только междугородка). Мы, конечно, еще несколько раз покатались... Но в итоге дед все-таки «стал ходить пешком», а я «бросил работу водителя».

И телефонный трамвай уехал в Вечность.

Так и не дав мне вырасти садистом.

Типамячка

Во Всемирной Словесной Паутине (World Word Web) есть ужасные современные слова. «Спасибки», «чмафки», «ухтыжка», «печеньки», «плюшки», «морозьяка», «позитивчик», «печалька», «нежданчик», «супер». Фу. А особенно – «няшка». Буэ.

Почему они ужасные? Потому, что они ужасные. Или потому, что не я придумал.

А может, потому, что моя третья бабушка служила учительницей русского языка и литературы.

В детстве мы каждое лето ездили к ней в гости. На Кавказ, в Ессентуки (*единственный «мой» бестрамвайный город*). Кхак обычно, на нэдэльку-двэ.

А там у меня никогда не было проблемы «с кем погулять». Дело в том, что Ессентуки – городок небольшой, и многие из бабушкиных учеников жили кто в соседнем подъезде, кто в соседнем доме, кто в соседнем дворе. Ну, и, естественно, старались при случае обменять немножко своей лояльности ко мне на немножко бабушкиной лояльности к себе. Нет, нет, ничего такого, бабушка никогда не была ка-

кой-то там злющей мегерой. По-моему. Но ведь немножко дополнительной лояльности учителя – оно же в любом случае не повредит. Особенно басистым-усатым старшеклассникам и присвоившим мамины помады старшеклассницам.

Курить, само собой, меня никто не обучал. И портвейном тоже никто не угощал. И как целуются не показывал. Наоборот, в этих случаях от меня даже прятались (чтобы не заложил, случайно или намеренно). Отвлекая каким-то намного более важным занятием, чем «посмотреть, как там они в подвале». И щедро снабжая сырьем.

Рогатка, свисток из фольги от конфеты «Стрела». Пистолет-самострел из спичечного коробка, пары карандашей, прищепки, изолянты и бельевой резинки. «Бомба» из двух болтов, гайки, тетрадной обложки и спичечной серы. Трещалка для велосипеда (чтобы при езде издавать мотозвук). Или еще какая-нибудь яркая вещь – а лучше сказать «Предмет», свяшенно и с очень большой буквы. Все эти радости жизни я постигал исключительно благодаря бабушке.

Об одном из таких священных Предметов речь и пойдет.

Спускаюсь я, значит, как-то классе во втором, после обеда на улицу. И вижу, как в подвале (сразу слева от крыльца) один за другим исчезает одна из «моих» любимых компаний:

шестиклассники Гена и Давид, семиклассник Колесик (Колля) и восьмиклассница Ларек (Лариса). И мне вдруг тоже так захотелось с ними, так захотелось... Просто посидеть в уголочке и послушать «большие» разговоры. А тем более, там Колесик. Вот кто – настоящий друг! Он мне вчера сделал отличный телефон (два коробка, две спички, длинная нитка). И поговорил со мной по нему: «Прием? Как слышно? Прием! Рас, рас, рас. Тысяча, тысяча. Ф, ф, ф... Телефон работает, работает телефон!». Да и вообще, большинству Предметов научил меня именно он.

И я топаю за ними. А они, видимо (как я теперь понимаю), уединялись покурить. Колесик заметил меня, что-то неслышно сказал остальным и стал подниматься навстречу. Со словами: «Ооо, Антоха, дружище, здорооово! Держи краба». Как же мне было приятно поручаться с дворовым авторитетом и Предметным мастером на все руки! А он тут еще и достает что-то из кармана шорт: «Лянь, какая штука есть. Держи. Тебе». Это – мне? От Колесика?! О, я теряю подсознание...

Штукой оказался рыже-коричневый бархатисто-волосатый шарик размером с маленькое яблоко.

– А что это? – спрашиваю.

– Это? Хм... Что-то типа... Типамячка. – слышу в ответ.

Ухтыжка... Я с интересом ощупал Предмет. Типамячка...

– А делается-то ваще проще простого! – добавил Колесик – Берешь каштан (Колесик сорвал с ветки каштановый плод). И точишь, точишь, точишь (Колесик отшлифовал каштан со всех сторон об асфальт). На. Скажи, нищяк?

Теперь у меня было уже две типамячки. Ухтыжка в квадрате!

Не теряя ни секунды, я с головой бросился в производство. Срывать, правда, мне было трудно достать, но каштанов полно и на земле. Какой там теперь подвал? Да я даже и не заметил, как Колесик туда тайком нырнул. И как они все потом вынырнули и сказали: «Ну, ты и стахаановец!» – тоже почти не заметил. Еще бы, у меня же теперь штук двадцать типамячек!

Домой относил несколькими ходками. И радовался, что дома всех так веселит мой ответ на вопрос «А что это?». Значит, хорошие Предметы. Позитивные. И значит, с хорошим названием. Но в лицах родственников был какой-то подвох. Поэтому я радовался, но и немного обижался. Пока тетя, наконец, не растолковала мне, что «типамячка» – это «что-то типа мячика».

Но слово-то – классное, правда, ведь? Оно мне очень нравится до сих пор. Им можно обозначать, например, какие-нибудь экзотические фрукты. Особенно волосистые. Всякие там дурианы и рамбутаны. Или те же кокосы. А еще – шарообразных животных. Просто толстеньких и пушистеньких или умеющих скатываться в шар. Ежиков, домашних шиншилок и хомячков, мокриц. Или, там, мерзнущих на проводах воробьев...

В общем, хорошее получилось слово. Доброе и с позитивчиком. Типаняшное такое. И суперухтыжное.

П. С. Боже, а как типаняшно и суперухтыжно типамячки хрустят, когда их давит трамвай, – ууу! Ну, прямо хоть бери сейчас, подкладывай и прячься в кустах!

Вот так я и полюбил животных

Как называются внутренние органы (такие вкусные внутренние органы) у курицы? Печень там, сердце, легкие и т. п. Потроха? Ха-ха, неправильно. – «Разности»!

Чк-ш-ш. Перемотка назад (далеко назад).

Вечер. Отец (№2) делает курице вскрытие. А я за компанию раскрашиваю фломастером карточки с «ЖИ» и «ШИ». Кухню освещает закат, но свет еще не горит. Я спрашиваю: «Пап, а это что такое?», кивая на внутренности. А он отвечает: «Это? Гммм... Это, дружище, гммм... – разные разности».

Название «разности» оказалось очень удачным. Оно было емким (одинаково обозначая самые разные разности). И всегда предсказуемым — спросишь маму: «А суп с разностями?» и она обязательно улыбнется.

Но речь сейчас не об этом. А о том, как именно я полюбил животных.

В принципе, судя по воспоминаниям, собственным и родительским, я был равнодушен к фауне с тех самых пор,

как научился отличать ее от флоры. Муравейчики, там, всякие, жучки. А что, если оторвать лапку? А если крылышко? А усик... Но однажды, где-то во втором или третьем классе, эта равнодушие возвелась в квадрат.

А дело было так.

В нашем дворе жил-да-был карликовый пинчер по кличке Антошка. И я его ненавидел всеми фибрами своей души. У него был такой мерзкий голос, что у меня внутри все обрывалось и переворачивалось.

Нет, это теперь только я понимаю, что ненавидеть надо было не само животное (которое никак не виновато в том, что его называли «моим» именем), а его хозяйку. Но тогда я ненавидел именно пинчера.

Ненавидел и при возможности старался «зарядить» ему палкой, каштаном или просто камнем. Отец не раз это видел, наблюдая за мной с балкона, и дома не раз сообщал, что животных обижать не стоит. Да и хозяйка пинчера как-то заходила «в гости». Но моя ненависть к Антошке была очень сильной. Аж до зуда.

И вот, в один из вечеров я возвращаюсь домой, довольный плодотворно выполненной прогулочной программой —

с соседом Максом в футбол поиграл, у Федора Сергеича по-сидеть в «Запорожце» выпросил, по гаражам полазил, девятое каштановое дерево покорил, трамваям типамячек подложил, какой-то бабуле собрать рассыпавшиеся яблоки помог, одно из них в награду получил, Антошке промеж глаз красиво «зарядил». Ии-хха! Отлично! Открываю сам ключами дверь. Сразу же слышу голос отца из кухни: «Дружище, зайди-ка».

Захожу. Отец вскрывает очередную курицу. Выковыривает разности. И говорит: «Дружище, я в последний раз предупреждаю, будешь обижать животных, — гммм... отрублю руку».

И покачивает так окровавленным ножом, словно во много раз удлинившимся указательным пальцем.

Страшно мне не стало ни капельки, что-то во мне твердо знало: обещанная ампутация не состоится. Но вот нож... Его окровавленное лезвие с фрагментами разностей, которые папа сосредоточенно продолжил выковыривать, оно — да, впечатлило и очень неприятно.

Нет, нет, разности я тогда не разлюбил, — они были (и остаются) слишком вкусны. И никакая ножефобия у меня тоже не развилась.

Но что-то, все-таки, изменилось. Что-то переключилось.

Несколько дней мы с Антошкой не встречались. А когда неожиданно встретились, он... вдруг подбежал ко мне и полизал мою лодыжку. А я... почесал ему за ушком. И чуть позже с удивлением заметил, что ни его надтреснутый визго-лай, ни частое-частое цоканье когтей по асфальту (раньше сравнимое с трением железа о стекло) мне уже так не противны.

Именно в тот период своей жизни я ощутил искренний и неподдельный интерес к животным. Как они живут? Что они едят? Зачем они делают вот так и вот так? Почему у муравья шесть ножек, а у паука — восемь? Почему птица ест камни? Неужели ей вкусно? Как устроены эти биороботы внутри? Что делает их (эти наборы костей, мяса и органов) живыми?

А помимо интереса, проснулось еще и какое-то теплое со-страдательное чувство. И в нашу с соседом Максом прогулочную программу вошло новое развлечение — похороны сбитых машинами котов и собак. Естественно, с вывалившимися разностями. А однажды была даже порезанная трамваем ворона.

В общем, вот так я и полюбил животных. Причем до такой степени, что даже закончил биофак.

Антисмертин

Я закончил биофак. Я — дипломированный биолог-зоолог.

После универа я работал на самых разных работах — и школьным учителем, и программистом, и контент-менеджером, и менеджером по рекламе, и менеджером по сбыту, и старшим менеджером по сбыту, и кассиром, и продавцом-консультантом, и водителем-экспедитором, и копирайтером-рерайтером, и «литературным рабом», и дизайнером-аниматором, и курьером.

Но я никогда не работал биологом-зоологом. И, честно сказать, даже не собирался.

— А почему тогда пошел туда учиться? Наверно, больше некуда было, никуда больше не брали? Лишь бы вышку получить, хоть какую-нибудь?

— Это может показаться полной ахинеей... Но... Отец очень просил меня найти лекарство против смерти. Антисмертин. И я пошел его искать. Учиться его находить. По-моему, все началось с похорон кого-то сколько-то-юродного...

Отец говорил, что я — умный, и что я обязательно найду.

И мама вторила, что я — очень умный, что я сделаю великое открытие (если даже не антисмертин, то какое-нибудь другое), что у меня еще до окончания учебы будет очень много денег. И что я буду жить, скорее всего, в Америке. А лучше — в Канаде. В крайнем случае, в Турции. На берегу Анталии. И буду слушать Мустафу Сандаля днями напролет. Айя бен-зер, юриим...

Мне польстило и я поверил в сказку.

А что тут удивительного? Вы разве никогда не верили в интрасенсов, летание по фотографии или космические каналы? В преимущества своей нации или заботу царя о народе. Или, например, что Япония — один сплошной хайтек-рай на Земле. Все люди периодически верят в какую-нибудь чушь, и это совсем не зависит от «количества ума».

Вот и я поверил. И пошел учиться открывать антисмертин. А вдруг и правда?

Да, так бывает. Сейчас, конечно, ужасаешься: о чем они тогда думали?! Может, ни о чем?.. Ведь и то, что я курю, всплыло только лет так через пятнадцать, хотя я особо не прятался, просто соблюдал вежливость... Но самое главное — о чем же тогда думал я сам??? Загадка.

К тому же, по идее, анτισмертин гораздо ближе к медицине, чем к биологии... Но не все логично в этой жизни. И, видимо, не на все хватает денег.

Так что, я пошел на биофак.

Постигать закономерности устройства и функционирования биороботов. Да, да. Учиться секретам жизни. Чтобы найти секрет смерти. И поначалу это было очень интересно, просто очень-очень. С картинками, чучелами и макетами.

Здесь, наверно, сплошной «Дискавери» и «Энимал плэнет»! Все вокруг такое научное. Пренаучное. Люди в белых халатах. Ученые. Здесь делаются открытия. Здесь ставятся эксперименты. Здесь рождается новое. И я ко всему этому тоже как-то причастен! Фантастика!

Но спустя где-то год-полтора я стал с ужасом подозревать здешнюю науку в полнейшей виртуальности. Где же, где же практические разработки? Что-то не то... Кажется, это — не храм правды жизни. Я изучал смерть по всем доступным книгам, у меня было много великих идей эликсира (примерно как в фильме «Реаниматор»), но это никуда и никак здесь не вписывалось.

На факультете – пять кафедр: физчиж (физиологии чело-

века и животных), физраст (физиологии растений), зоологии, ботаники и биофизики. Но ни на одной из них не проводится никаких революционных экспериментов и не делается никаких, даже нано-, открытий.

На первом этаже-физчиже — зачем-то греют крыс двумя видами грелок, а потом измеряют им температуру.

На втором (физраст) — единственная хоть какая-то практичность — говорили, выращивают грибы. Но я так и не узнал, какие.

На третьем (зоология) — там самый большой ассортимент: зачем-то измеряют арибатидных клещей, считают городских и пригородных птиц, смотрят в микроскоп на неких таинственных микроспоридий и что-то такое еще.

Четвертый — там деканат, а на пятом (ботаника) — по моему, ничего научного делать даже не пытаются.

И, наконец, на шестом (биофизика) — отрезают тритонам лапку, подкладывают им в аквариумы большие магниты и наблюдают, произойдет ли регенерация быстрее, чем без них.

Все.

И это все — какое-то такое ненастоящее, жалкое и унылое... Ну, может быть, кроме грибов. Совершенно невозможно ответить на вопрос: а зачем все это? Каков практический смысл?

Зачем греть крыс? Зачем измерять клещей? Зачем считать птиц? Что даст рассматривание таинственных микроспоридий? Какая польза от мучений тритонов?

Ученые люди делают определенный вид работы (жутко серьезный вид). Живут в своем радионаучном мирке. Ничего не изобретают. Перекомпилируют информацию из книг и журналов (причем, довольно уже старых книг и не самых свежих журналов). Все «опытные» данные можно просто сочинить. И бездоказательно представить на асмисленной псевдоконференции. Получить грамоту. Справку, что ты — умный.

А самый ужасный ужас состоял в том, что я тоже буду частью этого виртуального болота. Так как, на третьем курсе начинается специализация.

Хотя, учили — действительно хорошо. Интересно. Правда, чем дальше, тем все более не совсем тому, что мне было нужно. Но действительно хорошо. С картинками, чучелами

и макетами.

Так вот. Мои попытки впечатлить разных ученых преподав антисмертином провалились, самостоятельно заниматься смертью нельзя, поэтому пришлось выбирать что-то из виртуальных крыс-грибов-клещей-микроспоридий.

Я попробовал греть крыс, но мне это не понравилось. Очень не понравилось. Это было отвратительно. Крысы жарятся под калориферами, а я должен измерять им температуру. До этого и после. А как крысе измерить температуру? Естественно, — ректально. Ее же не заставишь подержать градусник подмышкой. Поэтому я брал крысу за хвост, ждал, пока она устанет трепыхаться, окунал стержень термодатчика в вазелин и измерял. И заносил результат «на диск-эту». Но, спасибо Небесам, через несколько дней до меня дошло, что значения температуры можно запросто брать с потолка, совсем не прикасаясь к животным. Ведь за мной никто не следил! И я сочинял. И «успевал» с каждым днем все больше и больше. Молодец! Но это было так глупо и скучно. К тому же, мне очень не нравился препода, главный по крысам. С его кошмарным запахом голоса и привычкой хватать тебя за руку.

Он еще книги закладывал старыми советскими трамвайными билетиками... Именно трамвайными, — зелеными,

по три копейки (троллейбусные были синими и стоили четыре, а красные автобусные – пять). И это в конце девяностых-то. Как они сохранились? Почему трамвайные? И откуда у него столько? Впрок, что ли, накупил? Да ну его, зачем нам это знать.

В конце концов, я выбрал «изучение» таинственных микроспоридий. Хотя, на самом деле, – наверно, просто самого адекватного научрука. Который понимал виртуальность всего окружающего и себя в нем, и не пытался этого отрицать. А еще мне, чисто эстетически, понравились сами микроспоридии. Это — такие крошечные животные, паразиты насекомых, которые вводят своего зародыша в клетки кишечника жертвы очень необычным аппаратом — чем-то вроде стреляющего шприца, выворачивающегося (язык сломаешь) наружу, как палец перчатки. Прикольная конструкция. Но еще прикольнее то, что с ними «ученому» меньше всего мороки (гораздо меньше, чем с крысами, клещами и прочими).

И я стал, как бы, микроспоридиологом. Перекомпилирующим информацию из книг и журналов (тех самых старых книг и несвежих журналов). Иногда сидящим на кафедре с микроскопом, зачем-то считающим количество микроспоридий в препаратах многолетней давности и записывающим результаты в лабораторный журнал. И, разумеется, все эти результаты сочиняющим. Их никто не проверял. И они ни-

кому не были нужны. А я просто делал вид работы.

И, наконец, диплом, — его я тоже сочинил, от начала и до конца. Это была «научная» фантастика от первой до последней буквы.

Еще в школе я прочитал в журнале «Наука и жизнь» (бабушка выписывала) статью о клеточной «электросварке». О том, что если через две соприкасающиеся клетки пропустить короткий, но мощный разряд, то место их соприкосновения пробьется, и клетки сольются в одну. А если они — разнородные, то может получиться определенной степени живучести гибрид, сочетающий в себе свойства обоих «предков». И, например, если один «предок» быстро размножается, а второй — производит нужное вещество, то у нас есть шанс получить хорошо растущую колонию клеток-производителей этого самого вещества.

Я адаптировал идею сварки под закрепленную за мной тему. Под своих дурацких микроспоридий. И придумал сливать насекомьи клетки, полные их полузрелых особей, с раковыми элементами спинного мозга крысы. Чтобы получать быстро растущую и нетребовательную к питанию культуру, дающую большое количество паразитов. Например, для борьбы с вредными насекомыми. Например, путем распыления спор с самолета.

И у меня был «клеткосварочный аппарат». Настоящий! Серый, железный, тяжелый, с ручкой для переноски, с красной лампочкой, красной же кнопкой, стрелочным индикатором напряжения и его поворотным регулятором. Я заказал эту штуку у какого-то деда-умельца на радиорынке. Мне, мол, нужно нечто, что выдавало бы напряжение в пределах от одной до четырех с половиной тысяч вольт. С крутилкой, кнопкой, стрелкой и лампочкой. Для сварки клеток, короче. Деда долго уговаривать не пришлось: ааа, для сварки клеток, ты, обычное дело, так бы сразу и сказал, приходи послезавтра. О тех ли клетках он подумал?

А послезавтра утром я уже нес домой Чудо-Устройство. Аж за полстипендии. Не знаю, работало ли оно. Я никогда в жизни его не включал. Страшно же, — а ну, как шарахнет током? Хотя, может быть, внутри была просто пара кирпичей. Я не знаю. Но это и не важно. Внешне аппарат выглядел очень убедительно. Внушительно и даже гипнотически.

Я нарисовал много красивых картинок, наврал с три короба, и мой реквизит вызвал доверие. Научрук был очень доволен. А на предзащите и на самой защите мне сказали, что я — такой молодец, взял такую оригинальную тему и так глубоко ее разработал... Что я — будущий талантливый ученый. И никого совершенно не беспокоило, что бу-

дущий ученый проводил «сварочные операции» под самым обычным световым микроскопом, «тонко регулируя» длительность миллисекундного разряда вручную, переключением довольно тугого тумблера. Не говоря уже о вопросах стерильности условий и совместимости крысиных клеток с насекомыми. Такие вот высококустарные биотехнологии с домашней генной инженерией. Хотя, может, профессора все поняли и просто мне подыграли (они же, наверно, люди неглупые)?

Но это все — так, хихи-хаха. А есть и мрачная сторона. Очень мрачная. Я не выполнил поручение отца и матери. Я хоть и выучился бесплатно (и безблатно), но не оправдал их ожиданий и надежд. Я не изобрел антисмертин.

Это было очень сильное потрясение — где-то в конце четвертого курса, изучая смерть с философской стороны (Ницше, Гегель, Кант, Беркли, Сартр, Штирнер, реинкарнация, субъективный идеализм, etc), я вдруг четко и ясно осознал: антисмертин невозможен. Его просто невозможно изобрести. Смерть невозможно победить. Она будет всегда. Так устроен мир. Организмы — смертны. И ничего с этим не поделать.

Я не выполнил свою миссию. Она невыполнима. Хотел антисмертин, а получил образование, несовместимое с жизнью

(смайлик). Но, все-таки, я рад, что молодость сложилась так биофачно. Ведь я же именно там нашел свою жену! Такого же виртуального и фальшивого цетолога-дельфинолога.

П. С. Ну, и ко всякого рода ахинее тоже выработался кое-какой иммунитет.

Гороскоп

Гороскоп – это такой прибор. Оптический. Родственник телескопа и микроскопа. Прибор для наблюдения за горами...

Так, наверно, думает ребенок, катая машинки по ковру и слыша краем уха телевизор. По крайней мере, один ребенок уж точно так думал (это был я).

Он, гороскоп, может быть личным. Это – хорошо. Мой гороскоп. Он может быть «на эту неделю» или даже «на этот день». Непонятно. А потом? Он что, не навсегда мой личный? Гороскоп на сегодня. Как это? Пойду, спрошу у мамы. Маам?..

Но мама ласково и очень интересно делает еще более непонятно.

Как же он устроен? А какого он цвета? В него можно просто смотреть на горы, и все? А есть ли у него кнопки? А чем он отличается от телескопа? Может быть, папа знает? Паап?..

Но папа говорит, что не верит ни в какие гороскопы.

Как это? Гороскопа не существует, что ли? Но я же своими ушами слышал...

Ребенок садится лицом к экрану и забывает о машинках.

Гороскоп для льва. Ухты! Зачем это льву? Как можно заставить льва смотреть на горы в эту штуку? Захочет ли он? А рыбам зачем? И раку зачем? А скорпиону? Вот кота, киса-киса-киса, можно было бы попросить посмотреть, и он посмотрит. Но ведь он же посмотрит не потому, что ему очень интересны горы, а просто, чтобы мне стало приятно. Хорошая киса, спасибо. Но это не считается.

А гороскоп для весов – это как? Весы с гороскопом. Взвесить и посмотреть на горы? Или наоборот? Баа?..

Бабушка качает головой, крестится и отмахивается. Мал еще. А от нее борщ сбегает.

Гороскоп для близнецов. Это что, – два одинаковых гороскопа? У близнецов обычно все одинаковое. Два одинаковых гороскопа на одной подставке? Почему гороскоп до сих пор не показывают? Деед?..

Дедушка – философ. Гороскоп, он – у тебя в уме, гово-

рит. Во что веришь, то и будет, говорит. Программирование. И самопрограммирование. Предсказание равно заказ, говорит. С дедушкой очень приятно лежать рядом, он – такой большой, теплый и мягкий. А когда он что-то рассказывает, хочется зевать, зевать. И спать...

А через несколько лет ребенок, наконец, заглянет в свой гороскоп. Интересно? Глупости? Мракобесие? Манипуляции? Собачья чушь? Как знать. Смотря, какого качества гороскоп. Точно так же, как и рассказ, повесть или роман.

Потом – еще раз посмотрит на свои горы. И еще. Заглянет в свой гороскоп на неделю, в свой гороскоп на сегодня, на завтра. Начнет собирать статистику (совпало, не совпало), выявлять закономерности. Но, в любом случае, делать это он будет, будет и будет. Пусть не часто, но будет. Ведь люди всегда ели, пили и рассказывали (слушали, читали) истории. Истории, которые, если понравились, можно принять, а если не понравились, – просто забыть. Главное, чтобы эти истории делали интересно, а значит, повышали концентрацию счастья.

Читайте гороскопы. Особенно, хорошие. Хотя верить в них совершенно не обязательно. Ну, разве что только в самые лучшие.

Мощь лещча

Мою первую учительницу звали Лидия Константиновна. А может быть, и сейчас еще зовут, не знаю. С тех пор, как в начале четвертого класса меня перевели в школу поближе к новому дому, я больше никогда ее не видел и ничего не слышал о ней. Прошло уже достаточно времени, чтобы забыть ее лицо, но одно связанное с ней веселое воспоминание стираться пока не хочет. И стоит мне услышать слова «моя первая учительница», – я непроизвольно улыбаюсь.

Как и положено первым учительницам, Лидия Константиновна единолично учила наш класс всем без исключения предметам на протяжении первых трех лет. Хотя, нет, музыка. Ее, а точнее, – пение, вела кошмар «потерянного поколения, по ушам которого пришлось стадо медведей», бывшая (но, как она говорила, – навсегдашняя) виолончелистка оперного театра Эсфирь Борисовна. А так, все остальное – Лидия Константиновна. Математика, чтение, письмо, логика, природоведение, рисование, труд и даже физра.

И все бы ничего (да, собственно, все и было ничего), но моя первая учительница родилась в Белоруссии (она сама говорила), и поэтому некоторые слова произносила немного необычно. А именно – слова со СЦвистяШЧе-ШЧипяШЧи-

ми. Сейчас-то я знаю, что это называется акцентом. А где-то до зимы второго класса, когда словарные диктанты после «ово» и «оро», как раз, наверно, и стали свистяще-шипящими, не знал. Нет, я, конечно, что-то такое заметил еще в самом первом сентябре, но Лидия Константиновна произносила свои «сц» и «шч» совсем не так, чтобы они прямо резали слух. Поэтому я быстро привык и перестал их замечать. А вот в диктанты они не раз внесли еще ту путаницу.

– Пишчем дальшче. Лещчь... Мощчь... Так, а ты, почему не пишчешчь?

– Я?.. Я уже. Написал.

– Шчто ты написцал?!

– Все... Мощчь, вещчь, речь, течь, ночь, Керчь, картечь, трещина и сцмерчь.

– Тааак... Ну-ка, дай-ка сцюда. Ты сцмотри, сцнова то же сцамое!

К слову сказать, Лидия Константиновна любила диктовать один и тот же набор слов на протяжении многих-многих уроков. И может быть, будет нескромно, но, по-моему, только я один замечал этот замечательный факт. И уже на третий раз писал весь диктант (примерно слов тридцать) по памяти. Ну, и, досрочно закончив, складывал руки. Чем, естественно, не раз привлекал к себе повышенное внимание. Хотя, что там говорить, это было приятно. Все еще пишчут, а ты уже –

самый молодец.

Но вот с «лещчом» и «мощчью» мой находчивый мозг никак не мог справиться. С неделю, наверно. А может, и дольше. И сколько ни подчеркивала мне Лидия Константиновна почти каждое слово красным (могла бы, вообще-то, подчеркивать только проблемные фрагменты), сколько ни качала головой, вздыхая: «Такой был хорошчий мальчик... И нна тебе. Приехали. Не сцтыдно?», я никак не мог понять, что же именно ей так не нравится?

Может быть, нужен еще один мягкий знак? «Лещьчь», что ли? С каждым днем я вслушивался все тщательнее, максимально пристально проверяя каждый досрочно написанный слог, но – нет, как говорится, «со слов записано верно». А весь диктант снова подчеркивался красным...

В чем же дело? Загадка. Глупо, конечно, но эта загадка настолько меня удивляла и обескураживала, что мысль «свериться с соседями» даже не приходила в голову. А спросить Лидию Константиновну прямо было, как бы, знаете ли, страшновато... Родители? Считая меня уже достаточно самостоятельным, они заглядывали в мои «дела» только по выходным (да и то не всегда и не во все). Даже августейшая бабушка. Особой необходимости не было, я учился хорошо и без посторонней помощи. А почему я сам не спрашивал

у них совета? А я и не помню. Почему-то не спрашивал.

В общем, день за днем вопрос никак не решался, все «лещчи» и «мощчи» стабильно подчеркивались, и я решил, что: хэх, наверно, это – такая месть за досрочность. Надо было не высовываться.

И вот, наконец, Лидия Константиновна не выдержала, отвела нас с мамой (которая пришла меня забирать) в сторонку и сказала: «Знаеце, у насц есць небольшчая проблема. Коекто сцлишчком много сцебе поздзволяет. Досцтань-ка, дружочек, писцьмо. Досцтань-ка, досцтань-ка. Вы предсцтавляеце, – прямо в цетрадзи. Прямо в цетрадзи! И прятал от мамы, небойсць. А-я-яй...»

У мамы поднялись брови. А у меня отвисла челюсть. От невозможности осмыслить фразу «Прямо в тетради!». Прямо в тетради... Что прямо в тетради?.. Прямо в тетради... А где же еще?.. Я достал письмо. Мама зашуршала. И словно отвечая на мой немой вопрос, Лидия Константиновна сказала: «Драздзнишчсця... Не ожидала от себя...». В ту же секунду мама, не в силах сдержаться, резко отвернулась и зажала рот рукой. А моя челюсть упала на пол.

– Вы находзице это сцмешчным?

– Простите... Прос... (мама сделала титаническое усилие,

Красный день календаря

День седьмого ноября для меня – красный день календаря.

Однажды, в этот день я, как обычно, отвел детей в школу к восьми, а потом... пошел в Школу сам. К восьми тридцати.

Школа – это Учкомбинат «Донэлектроавтотранса». Но «Учкомбинат» звучит как-то бездушно и механично, что ли. Как будто там просто-напросто штампуют кадры. Поэтому все, кто, так сказать, в теме, называют его более ласково и мелодично – «Школа».

Короче, я отвел детей и пошел в Школу. В Трамвайную Школу. Я пошел учиться на водителя трамвая.

Такое замечательное утро! Светит солнце, щебечут птицы. Люди все такие хорошие. Вокруг так пахнет этиленом. А вы знаете, что этилен – это не только то, из чего делают материал для бутылок и пакетов? Это – еще и растительный гормон. Который вызывает старение и опадение листьев. Когда-то давно (еще до того, как появились трамваи-конки) на улицах были газовые фонари. И рядом с ними деревья досрочно уходили в осень. Так этилен-гормон и был открыт.

Он входил в состав фонарного газа.

В общем, я иду в Школу. Весь такой нарядный и в предвкушении. В брюках от свадебного костюма, которые я терпеть не могу (как и все остальные брюки). В новых жмущих и трущих туфлях. В белой рубашке. И в галстук, который вчера вечером завязывал минут сорок. Ненавижу такой стиль одежды. Я его и раньше не любил, а с тех пор, как откинулся с одной из офисных работ, почти возненавидел. Мне нравится джинсово-кроссовочный стиль. С множеством карманов. Но наш будущий куратор Галина Сергеевна очень просила одеться первоклассно. Хотя бы сегодня. Праздник же! И вот идешь, ну, чисто проповедник. Только куртка хоть как-то маскирует всю эту менеджерскость.

И таки да, праздник. Все вокруг словно чувствует торжественность сегодняшнего дня. Солнце, тепло, на небе ни облачка. Хотя вчера еще было мрачно, промозгло, сыро и грустновато. А сегодня все такое яркое, желто-оранжевое и веселое. Даже какие-то насекомые летают.

Школа (моя Школа) находится в шести трамвайных остановках от детской школы. «Улица Павла Поповича», «ул. Очаковская», «АЗС (по требованию)», «ул. Молодых Шахтеров», «ул. Коцюбинского» и «проспект Освобождения Донбасса». Но я пошел пешком. Даже почти вприпрыжку.

В праздник трудно висеть на поручне по пути к счастью, – в праздник хочется шагать счастьем навстречу. Делясь излучением его предвкушения не с узким кругом сопассажиоров, а решительно со всеми вокруг и на протяжении всего пути.

А путь проходит, как раз, мимо моей прошлой работы – магазина «Компьютерная Мода». Но там было не с кем делиться излучением, магазин ведь уже больше месяца, как закрылся. Поэтому я поделился им с бывшими соседями – поваром Юрой из пиццерии «Адриано» слева, ювелиром Виталиком из мастерской через стену и официантами из кафе «Лучиано» справа. Они должны уже быть на месте. Да, так и есть. А еще зашел поделиться в продуктовый магазинчик через дорогу, куда раньше ходил в каждый божий перерыв. И все были, и все были очень рады. Мне, за меня и вместе со мной.

Напоследок, я постоял на крыльце «Компьютерной Моды». На котором прошло столько перекуров. Уродливые буквы «Аренда», урна уже утонула в мусоре, давно не убирались листья. Прощай, магазин. Прощай. А я иду в Школу! Счастливо оставаться.

Удивительно, я провел (прожил) здесь несколько лет и совершенно не подозревал, что буквально в каком-то полуквартале, будет находиться... нет, уже давным-давно находит-

ся... моя будущая Школа. Все это время она была совсем рядом. И поджидала. Даже больше того, – шесть раз в неделю я приближался к ней на расстояние максимум метров ста пятидесяти, идя с работы на двадцать пятую маршрутку (более быстрою, чем трамвай). Подумать только, я стою на остановке, а Школа – вон там, через дорогу, во дворе по диагонали. И мы ничего друг о друге не знаем. Поразительно.

А вот сейчас я в нее иду. Здравствуй, Школа Sweet Школа!

Когда я впервые вошел в наш, станущий на три месяца родным, десятый кабинет, я понял, – с галстуком вчера мучился только я один. Почти вся наша группа «Трамвай. №5» уже в сборе, но нет больше ни одного человека в «белом верхе, черном низе». И никаких тебе передничков и бантиков. Свитера и джинсы. Джинсы и свитера. У меня одного, что ли, праздник?

Я сел за свободную заднюю парту. И стал рассматривать одноклассников. Все такие разные. И девушек, и парней – пятьдесят на пятьдесят (женская работа, говорите?). Какие-то пары уже явно знакомы друг с другом, кто-то – в очень гордом одиночестве, а кто-то просто почему-то с кем-то сел. Ой, а на моей парте – блокнотик с ручкой... И на стуле рядом – сумочка. А я и не заметил. Ой, привет,

Анжела! Мы встречались на отборочной комиссии.

Оформление кабинета сразу же напомнило мне биофак, где я, кажется, сто лет назад учился. Там на стенах висели плакаты с «конструкциями» всяких организмов, ну, знаете, такие контурные схемы с номерками-указателями. И с веревочной петелькой для гвоздя, из-за которой плакат просто по определению не может висеть ровно. А по бокам и в конце аудиторий – стенды, стенды, стенды с костями и фрагментами чучел. С жуками на иголках. Или спилами и гербариями. Скелеты, макеты. Муляжи и мумии. И возле доски еще, обязательно, – двойной рулон рисунков, такой, с ручками для перемотки. Шур-шур-шур-шур. Который в поисках нужной картинки крутят сначала в одну сторону, а, дойдя до конца, – «искренне» удивляются: ой, наверно ж надо было наоборот. И все это скрипит, криво наматывается и застревает. Бородаатый студенческий ход...

А тут, в Школе, все точно так же, один-в-один, только на плакатах – анатомия Татры ТЗ. Или отдельных ее узлов. А на стендах – какие-то «живые» агрегаты в разрезе. Трамвайные препараты. И возле доски – те же рулоны с ручками, такие же потрепанные и советские, еще с той войны. Только уже о трамвайных органах и системах. Да здесь даже пахнет похоже! Жизнью?..

И вот, прозвенел первый звонок. Каждый из нас встал, представился и попытался еще раз объяснить, что его сюда привело и зачем ему все это нужно. Мол, это – хорошая и общественно-полезная работа. Мол, хочу овладеть всегда востребованной профессией. Или, мол, с детства мечтал. Или – здесь, я слышала, хорошо платят.

И начался первый урок. О.Э.Т. – «Основы Эксплуатации Трамвая». Галина Сергеевна сказала нам примерно так:

Дорогие ребята, я очень рада, что вы выбрали одну из самых мистических и иррациональных работ – работу водителя трамвая.

Наверняка, вы все видели фильм «Аватар». Помните, там ведь Джейку нужно было не просто оседлать торука (дракона), – с ним нужно было натурально срастись. Ну, помните, волосом таким.

Так вот, дорогие мои. Вы мне, конечно, сейчас не поверите, но здесь – все то же самое. Да, да. Трамваи – это не машины. Это – существа. У которых есть собственный уникальный характер. У которых бывает плохое и хорошее настроение. Которые болеют и выздоравливают. Которые не нужно водить, – с ними нужно сливаться, чувствовать их, становиться с ними единым целым, ездить вместе. И которые можно любить.

А эти пожилые существа, в свою очередь, чувствуют, как к ним относишься ты. Животные чувствуют. Они верят или не верят в искренность твоих просьб и твоего «спасибо». Радуются, когда ты их протираешь, и обижаются (а то и злятся), когда в них свинячишь. Чувствуют энергию имени, которое ты им даешь. Да, да, мы даем трамвайчикам имена. Я вот свой 948-ой называла «Моя Ласточка». Так что, водить трамвай – это мистика и алхимия. Алфизика, я бы даже сказала.

Ну, и что, что в них не хватает некоторых лампочек. А что-то там разбито, проворачивается или западает. У ваших дедушек и бабушек кожа ведь тоже не как младенческая попа, но это же – не повод смотреть на них свысока.

Трамваи – это мистические существа. Такие таинственные и такие простые. Такие понятные и такие эзотерические. Очень много и усердно трудящиеся для всех желающих. Иногда почти сутками напролет (дежурка, например). А им уже, дорогие мои, столько лет... Скрипящие и тарахтящие. Неинтересно «татуированные» болевщиками и озабоченными подростками (ну, никакой фантазии). Где-то подгнившие, выпукло-вогнутые, крашенные-перекрашенные. Но такие молодцы!..

Ну, да, так и есть, кажется, я снова попал в храм нау-

ки об организмах. Но только, в отличие от биофака, здесь нет того унылого ощущения виртуальности и бесполезности. И радинаучности. Практический смысл изучения трамвайной анатомии и физиологии совершенно очевиден. И тут, похоже, все по-настоящему.

Слова Галины Сергеевны о том, что трамваи, дескать, – живые, конечно же, всех очень позабавили. И оказались хорошим поводом завязываться первым разговорам на первом перекуре. Вот этот ржавый красный сарай – живой, ха-ха-ха. Ну, да, ну, да, и на грузовике ведь тоже «MAN» написано. Хи-хи-хи. Но она была совершенно права. И через три месяца каждый из нас в этом лично убедился. Трамваи – это действительно существа. Не машины. Ржавые красные сараи, – есть такие формы жизни, правда-правда. И это – не метафора. Это на самом деле так.

После еще полутора пар ОЭТ и одной пары ПДД я летел домой, как на крыльях. После стольких разных перепробованных работ, после так и не понадобившегося универа и четырнадцати лет непонятно чего я, наконец, нашел что-то Такое. Настоящее. И, по-моему, – мое! Мое! Я всегда любил животных и разбираться, как они устроены, но теперь я, кажется, нашел Тех Самых животных. Ну, как это передашь словами...

Я летел домой из Школы и мне, взрослому мужику, как наверно никогда раньше в жизни, хотелось сделать уроки!

Японский король

Одна из моих бабушек всегда была (и сейчас остается, и дай бог ей еще подольше оставаться) августейшей особой. Очень августейшей. В нашей с братом терминологии – «VIB». Поэтому, лучше не «Одна из моих бабушек...», а «Моя Первая бабушка, Великая и Ужасная...»

Но в нашей с братом терминологии есть и еще один августейший термин – «Японский король». На этот раз – для нас с ним. Один на двоих. И я – «Японский король», и брат – «Японский король».

Термин уходит корнями в далекое прошлое, когда я еще не был так суперстар. И относится он в первую очередь ко мне, так как я – суперстарший.

Но, расскажу по порядку.

В раннем школьном возрасте я пылал страстью к журналу «Наука и Жизнь» (бабушка... тфу ты, Бабушка выписывала). Но не потому, что я был таким уж прямо вундеркиндом. А потому, что там была рубрика «Автосалон». Тогда я просто фанател от блоков данных формата «фотография машины, краткое описание, основные технические ха-

рактеристики». Кстати, в этом формате, однозначно, было что-то страшно притягательное для очень многих пацанов, – иначе, чем объяснить гиперпопулярность жевательной резинки «Турбо» (с такими же «форматными» вкладышами)? Не особо-то, в общем, и вкусной.

Так вот. Я знал почти все «Автосалоны» почти всех номеров почти наизусть. И постепенно обнаружил закономерность: если машина хорошая, то она, скорее всего, – японская.

И естественно, однажды поделился находкой с бабушкой.

Но стоп, это я забежал вперед...

А бабушка моя всегда пылала (и продолжает пылать, и, ладно уж, так уж и быть, дай бог ей еще подольше продолжать пылать) страстью к этикету. Страстью, во сто раз более жгучей, чем моя страсть к «Науке и Жизни». О, сколько же книжек я попереприжимал локтями к бокам, пока оперировал (иначе и не скажешь) вилкой и ложкой! О, сколько же раз я тщился пилить ножом мясо, держа нож в правой руке (а я же – хронический левша). О, сколько же раз я, снова-таки, тщился втягивать в себя содержимое ложки абсолютно, тотально и всецело беззвучно, и беззвучно же наполнять эту ложку опять! А сколько я выслушал за столом поучительных

примеров из жизней культурных, воспитанных и этикетствующих людей! О, май ад!..

Вообще, бабушки любят заговаривать зубы вос_питываемым внукам. Наверно, чтобы побольше в_питывали питания.

И вот однажды (и двести процентов, это было за столом) я поделился с VIБушкой японско-автомобильной закономерностью. Ох, зря я поделился. Ох, зря. С тех пор японцы надолго стали народом для подражания.

Японцы ведь не чавкают. Японцы ведь локти не задирают. Японцы ведь не путают сено с соломой (нож с вилкой). Японцы ведь... – и чертовски длинный список.

Японцы – культурные. Потому у них и машины самые лучшие. А мы, русские (советские) ... Пока не научимся хотя бы вести себя за столом, будем вздыхать, глядя на свои «Жигули»: почему ж это у японцев-то машины такие хорошие, а?

Японская тема бабушке не просто понравилась, она ей натурально заболела. И «японство» стало расползаться далеко за пределы стола. Нет, этикет, конечно, и раньше касался вопросов пунктуальности и «пожалуйста-мерси». Но скорее, пытался касаться. А теперь он стал японским (очень япон-

ским), и с яростью самурая агрессивно покушался буквально на все сферы моего поведения.

Но это все – лирика. Перейдем к «королю».

А «король» – это из области, как-раз-таки, точности и пунктуальности. Японской, конечно же. Есть такая древняя японская пословица: «Точность – вежливость королей». Во время расцвета «японства» моя бабушка взяла этот афоризм на вооружение, зарядила им все обоймы, и, когда я задерживался с прогулки (или позже – в средних и старших классах – не вовремя приходил к ней делать уборку), встречала меня фразой: «Нет, ты – не король». В смысле, что короли не опаздывают. А иногда и вовсе был «Король?» вместо «Ктотам?» -а.

Моему братцу, естественно, тоже перепало «японства». Хотя и намного меньше, чем мне. Он и младше, и более «толстокож». Но именно он однажды случайно положил «японству» конец. Ответив на «Кто там?»: «Кто, кто? Японский, [censored], король!». Он пришел, а я был уже внутри (убирал). Раньше ведь было: «Сова, открывай, медведь пришел», а тут – такое.

Это было очень смешно. Мощный позитивчик до самого конца дня. Правда, только для нас с братом, – бабушка

молча и с гордостью японской королевы (так у меня в телефоне она сейчас и записана) ушла на кухню. Но именно с этого дня «японство» стало стремительно угасать. Нет, оно еще несколько раз робко чего-то там попыталось. Но, видимо, разглядело, что короли уже повзрослели.

П. С. Когда я рассказываю эту историю своему первому отцу, он, почему-то, совсем не веселится – «Слушай, ну, я поражаюсь. Ну, откуда у графини Табуреткиной такая корона? И как это она до сих пор выжила под такой-то тяжестью».

Но ведь корона-то – тоже наверно японская. С воздушной подушкой.

Как же здорово, все-таки, жить!

Как здорово, все-таки, жить.

Ездить по дорогам окружающего мира в своем челомобиле. Смотреть сквозь его лобовые глазницы на пейзажи, предметы и другие теломобили. Вдыхать воздухи разных мест сквозь вентиляционные отверстия и щели. Слушать звуки. Что-то изнутри сообщать другим теловодителям, сигналить-fufuskать. Иногда заглядывать им в окна: а кто там, в домике? Или это беспилотник? Чувствовать внешними термодатчиками и парктроником. Перемещать предметы манипуляторами, трогать теломашины.

Ехать, путешествовать, поглядывая на энергометр, нервометр и страхометр. Тратить энергию, заправляться, снова ехать. Тихонько красться, буксовать, катиться по инерции, ползти в пробке, лететь, рассекая ветер, дрифтовать и заноситься, соблюдать или нарушать. Скорость, вибрация, смена впечатлений, кайф. Медленный объезд достопримечательности со всех сторон, кайф. Едешь, куришь в воздухозаборник. Дымишь. Многие ведь машины дымят. Можно музыку включить. Чудесные виды из окон. Как же это здорово!

Не здорово только одно — когда тебя грабят. Отбира-

ют энергию, когда до стоянки (лежанки) еще далеко. И ты еле тащишься в поисках топлива. Злишься, грустишь, клячишь, требуешь. Но когда ты его находишь, грабеж забывается. Ведь ты снова можешь ехать!

А самое замечательное – в том, что путешествие ждет тебя абсолютно каждый день. Только проснулся, — сразу же выехал с парковки. И целый день едешь. Вернулся, заснул, отстоялся, и опять.

Ехать, ехать, ехать в своем теломобиле. Который, собственно, и является единственным твоим имуществом. Ехать, ехать, ехать. Любоваться чужими: какие изгибы линий, какие цвета, какие выпуклости. Или удивляться: и как эта развалюха еще едет? Делиться с другими телософерами горючим. Подталкивать, помогать завестись. Ухаживать за своей челотачкой. Мыть, украшать. Разминать, заряжать, вовремя подкачивать. Подкрашивать, менять части оболочки. Срезать что-то лишнее. Тюнить. Ремонтировать. Кормить хорошим топливом и стройремматериалами.

Или эксплуатировать, не особо задумываясь. Немного надеясь на ангела. Но, точно зная, что будет еще.

И когда-то ты сменишь теломашину на другую. Разобьешься вдребезги, насмерть. В аварии-телокатастрофе. Или тач-

ка развалится от износа. Или ее разрушат паразиты (тачки-еды). И ты пересядешь в новую. Маленькую, новенькую, розовенькую и свеженькую, которую нужно еще научиться водить. Крутую с большим потенциалом или в изначальный калеч-паралич. И снова поедешь. По новым ландшафтам и с новыми попутчиками. И так будет бесконечно.

Бесконечное путешествие. Бесконечная жизнь в дороге. Бесконечная жизнь в движении. Вечная жизнь в пути. К интересным, приятным воспоминаниям. Своей собственной уникальной дорогой, преодолевая страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.